

ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Е. Ю. Копцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2011 г.

Аннотация: статья посвящена анализу военной деятельности фельдмаршала князя А. И. Барятинского на финальном этапе Кавказской войны (1856–1864 гг.). Основное внимание уделяется разработанному наместником плану военных действий, который и позволил обеспечить успешное завершение войны.

Ключевые слова: А. И. Барятинский, Кавказ, Кавказская война XIX в., план военных действий, завершение Кавказской войны.

Abstract: the article is devoted to the investigation of field marshal prince A. I. Baryatinskiy's military activities at the final part of the Caucasus War (1856–1864). The main focus is on the military plan, personally developed by the governor-general, which was the key reason for the successful completion of the War.

Key words: A. I. Baryatinskiy, Caucasus, Caucasus War of XIX century, military plan, completion of the Caucasus War.

Фельдмаршал князь А. И. Барятинский принадлежал к числу наиболее влиятельных государственных и военных деятелей России середины XIX в. Под его руководством русские военные и гражданские власти сумели успешно завершить тяжелейшую Кавказскую войну. Разгром движения Шамиля открыл широкие возможности для хозяйственного и культурного развития плодородных земель северного Кавказа.

Основная заслуга А. И. Барятинского состояла в изменении системы военных действий на Кавказе. Новая система ведения войны и управления горскими народами оказалась настолько эффективной, что позволила закончить Кавказскую войну за 3 года. Почему же она не была принята раньше, почему так сильна была оппозиция новой системе и в чем были просчеты старой? Выяснению этих вопросов и посвящена данная статья.

Система военных действий и изменения административного управления, введенные А. И. Барятинским, не были новыми. Они являлись выражением представлений целого ряда русских генералов о том, как нужно было вести войну. В своей «Записке» императору о том, какой план нужно принять, чтобы в скорейшем времени закончить войну на Кавказе, А. И. Барятинский перечислял этих генералов поименно: «Чтобы план этот имел надлежащую полноту, следовало бы, по мнению моему, потребовать частные соображения местных начальников или людей, хорошо знающих разнородные части Кавказа: Козловского, Эристова, Филиппсона, барона Вревского, Евдокимова, Николаи, Ольшевского, князя Меликова, Орбе-

лиани [...]», и далее, с подробным перечислением по военным линиям [1, с. 44]. В конце этого внушительного списка стояло «и меня», но потом было зачеркнуто рукой автора. Многие из этих генералов впоследствии были назначены А. И. Барятинским на ведущие посты в Кавказском корпусе. Таким образом, можно убедиться в том, что еще до назначения наместником, А. И. Барятинский имел широкий круг единомышленников. Одним из таких сторонников в 1855 г. был и военный министр В. А. Долгоруков.

В 1855 г. на престол вззошел Александр II. Он понимал, что после Крымской войны стране необходимо поскорее закончить затянувшуюся Кавказскую войну. Зная А. И. Барятинского как опытного «кавказца» и сторонника изменения системы военных действий, он выбрал его на пост наместника Кавказского, чтобы тот смог реализовать свои идеи на практике. На фоне резкой либерализации общественных настроений все это предвещало перемены на Кавказе.

По иронии судьбы, в военном министерстве тоже произошли перестановки. Вместо В. А. Долгорукова, сторонника изменения военной тактики, на пост военного министра был утвержден Н. О. Сухозанет, человек «старой закалки». Военный министр активно вмешивался в дела края и всеми силами старался урезать содержание Кавказского корпуса.

В конце 1856 г. А. И. Барятинский составил подробный план действий Кавказского корпуса на будущий год. Именно в нем он подробно описал предлагаемую им систему ведения военных действий. По его мнению, пора было, наконец, прекратить бесцельную практику «карательных экспедиций», планы

которых составлялись по карте из Петербурга. А. И. Барятинский предлагал *ведение непрерывных военных действий*, закончить строительство укреплений, которые не были закончены еще при М. С. Воронцове, на месте вырубленных просек устроить широкие дороги и мосты, чтобы «открыть сообщение во всякое время», а на новопокоренных территориях возвести казачьи станицы и устроить казачьи разъезды для поддержания порядка [2, с. 2]. По его плану это помогло бы сделать край «прозрачным» и охраняемым, что утвердило бы русскую власть в регионе намного прочнее, чем военные действия. Таким образом, А. И. Барятинский первым из наместников поставил четкую долгосрочную задачу, которую отныне предстояло выполнять русским войскам на Кавказе: не кратковременные экспедиции, а непрерывное ведение боевых действий и полномасштабная система управления краем. Его политика заселения края русскими положила начало крупным казачьим областям, основанным в 1860 г. – Кубанской и Терской. Эффективной оказалась и предложенная им система «военно-народного управления» над покоренными горскими народами. По схеме она напоминала систему, которую использовали англичане в колониальной Индии.

В чем же было преимущество тактики А.И. Барятинского перед тактикой прошлых лет? Прежде всего, это *реформирование системы администрации* на Кавказе. Как отмечал сам А. И. Барятинский: «предмет, который занимает меня с самого назначения на Кавказ и до прибытия моего еще сюда, есть устройство в здешнем крае вообще частей управления, которые до сих пор вообще не устроены» [2, с. 13 об]. К этому времени система управления на Кавказе была запутанной и непродуманной, все 30 лет она образовывалась практически стихийно, по факту постройки новых линий или укреплений и требовала грамотного преобразования. Реформой делопроизводства занялся Д. А. Милютин, который уже имел опыт работы на Кавказе в 1839–1844 гг. По его воспоминаниям, А. И. Барятинский еще до отъезда на Кавказ сумел утвердить несколько своих проектов. Особым приказом было утверждено его предложение о военном разделении края на 4 главных отдела, что должно было существенно упростить запутанную систему руководства и подчинения на Кавказе, облегчить делопроизводство.

Теперь вместо системы «двойного» подчинения (по одним делам – командиру главного на линии полка, а по другим – начальнику линии) все делопроизводство было подчинено начальнику линии, которым теперь просто стал командир полка.

А. И. Барятинского беспокоило также положение Черноморского побережья, к которому беспрестанно приставали турецкие и иногда английские суда. Они

привозили горцам оружие, проводили антирусскую пропаганду. К сожалению, предложение наместника о возобновлении крейсерства в крае, которое было отменено после Парижского мирного договора 1856 г., так и не было впоследствии утверждено. С горечью он писал Н. О. Сухозанету 19 июня 1857 г.: «Кроме того, я ожидаю ответа от Министерства иностранных дел на неоднократные мои вопросы о восстановлении крейсерства, необходимость которого с каждым днем выказывается более и более» [2, с. 32 об]. Но министр иностранных дел А. М. Горчаков опасался негативной реакции Европы. По Парижскому трактату ни одна держава не имела права держать в Черном море военные корабли. Но побережье нужно было как-то охранять, и в 1857 г. на Кавказе было учреждено частное пароходство. Некоторые пароходы и торговые суда русские войска использовали как полицейские, и успешно задерживали на них нелегальные турецкие кочеры. Это помогло сохранить спокойствие в северо-западной части Кавказа с полумиллионным населением в то время, пока шла война с Шамилем.

Еще одним камнем преткновения с министерством было усиление Кавказского корпуса 13-й и 18-й пехотными дивизиями, которые ранее участвовали в Крымской войне. Это вызывало ярые протесты военного министерства, которое требовало сокращения расходов. Но и здесь А. И. Барятинский сумел настоять на своем. Расходы же действительно были немалые. Кавказский корпус, усиленный двумя дивизиями, оставшимися в крае после Крымской войны, отныне должен был находиться на театре боевых действий круглый год.

А. И. Барятинский предполагал постепенно сжимать блокадную линию вокруг Чечни при помощи постройки временных укреплений и таким образом лишить мяуров возможности делать посевы хлеба. «Линия эта тогда [к 1856 г. – Е. К.], в общей сложности, составляла еще около 600 верст, и очевидно, что для успеха дела, прежде всего, требовалось длину эту по возможности сократить» [3, с. 310]. В своем «Отношении» в военное министерство о действиях Кавказского корпуса на зиму 1856 г. – лето 1857 г. наместник указал на необходимость сделать запасы муки, круп, сухарей и фуража на 7–8 месяцев вперед и устроить склады и магазины, откуда бы круглый год могло подвозиться продовольствие. Всем солдатам полагалось питание высшей категории: «на каждого человека по 3 фунта пшеничной муки в день» и ежедневно по чарке вина [4, с. 3]. Хорошо зная Кавказ и потребности армии, А. И. Барятинский в своем плане подробно расписал количество круп, зерна и фуража для каждого магазина. Поскольку войска в течение года должны были находиться во временных укреплениях, при каждом батальоне создавались временные госпитали. Все госпитали и лазареты должны

были быть усилены вещами и лекарствами, а там, где не хватало помещений для устройства госпиталей, предполагалось устроить «госпитальные палатки, подбитые сукном» [4, с. 6 об]. Таким образом, при каждом батальоне должно было находиться «по одной госпитальной палатке и годовой пропорции аптечных припасов и посуда на 30 человек, и, независимо от сего, перевязочных средств на 50 человек, ящик хирургических инструментов, фельдшерский карманный набор и фармакопоя, костылей 10 пар, повязок, покрытых или обтянутых на обручах парусиной [...], от двух до трех, сверх того, иметь при каждой роте носилки для носки больного и раненых. Каждому третьему солдату иметь при себе по 1 бинту в 4 аршина, по одному компрессу [...]» [4, с. 6 об – 7]. Для довольствия раненым необходимо было иметь «хорошего качества муку, водку, вино, разного рода крупы и другие продукты» [4, с. 7]. В каждом батальоне должны были находиться 1 медик и 1 фельдшер. Также предусматривалось иметь запасы по части артиллерии и перевозочных средств.

Дальновидность и человечность наместника отразилась и в его стремлении улучшить финансовое положение солдат. Значительные средства должны были пойти на повышенное жалование солдатам и офицерам, а также пособия их семьям, поскольку считал, что солдаты не будут воевать, зная, что в случае их гибели семьи будут прозябать в нищете. Не скупился князь и на награды. В своих письмах генералу Н. И. Евдокимову он то и дело упоминал об очередных наградах для корпуса. Например, о том, что император с благодарностью выслал на Кавказ «горсть георгиевских крестов», [5, с. 5], а в январе 1858 г. после взятия Аргунского ущелья, которое называли «воротами в Чечню», он отмечал, что «в общем итоге вы получили от меня за время военных действий уже 114 крестов» [5, с. 17 об].

В целом по расчетам Генерального штаба Отдельного Кавказского корпуса, только на ведение военных действий зимой 1856 – летом 1857 г. требовалось около 1 175 000 рублей [6, с. 15]. Это было почти в три раза больше, чем в предыдущем году. А. И. Барятинский пытался убедить министра, что скупой платит дважды, и что лучше один раз утвердиться в горах, чем ежегодно отпускать деньги на карательные экспедиции: «Мне остается только сожалеть, что, несмотря на все мои доводы, Вы приписываете мои

настоятельные представления незнанию истинного состояния наших финансов» [2, с. 33 об]. Однако Н. О. Сухозанет не верил в возможность завершения войны. Он писал: «Окончание дел на Кавказе может быть желанием, но осуществить его вдруг не представляется возможности» [2, с. 19 об].

Однако опыт и военный талант подсказывали А. И. Барятинскому, что предложенная им система ведения боевых действий – единственно правильная. Он настойчиво доказывал это в письмах к военному министру. Например, 3 декабря 1858 г., получив от императора разрешение оставить на Кавказе 13-ю и 18-ю дивизии, он писал: «Последующие факты, как я надеюсь, еще очевиднее подтвердят мои слова и покажут, что пожертвования, которые мы делаем ныне, выкупятся с избытком военными результатами» [2, с. 92–92 об]. Неизвестно, был бы утвержден план А. И. Барятинского, если бы не доверие императора. Согласившись с доводами наместника, Александр II, «удостоив предположение это внимательного рассмотрения, высочайше соизволил изъявить на все согласие» [6, с. 15].

Стремление решить крупные стратегические вопросы малыми силами и скудными средствами в то время, когда уже было накоплено достаточно опыта для изменения тактики войны, говорило об узости мышления Н. О. Сухозанета, а его закостенелость и болезненное нежелание рисковать мешали делу. Время доказало правоту А. И. Барятинского, а порой требуется немало сил и времени, чтобы изменить мнение власти по тому или иному вопросу, чтобы воплотить свои идеи в жизнь.

Недальновидность военного министерства чуть не погубила возможность завершения войны, и только настойчивость князя Барятинского, его знания и опыт привели дело к счастливой развязке.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГВИА. – Ф. 846. – Д. 6661. – Ч. I.
2. РГВИА. – Ф. 846. – Д. 6667.
3. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война : публ. лекции, прочитанные в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским / Д. Романовский – М., 2004.
4. РГВИА. – Ф. 846. – Д. 6663. – Ч. I.
5. РГВИА. – Ф. 846. – Д. 6696.
6. РГВИА. – Ф. 846. – Д. 6663. – Ч. III.

Воронежский государственный университет
Копцева Е. Ю., аспирантка кафедры истории России
E-mail: kopceva@list.ru
Тел.: 8(473) 249-06-14

Voronezh State University
Koptseva E. Yu., Post-graduate Student of the Russian History Department
E-mail: kopceva@list.ru
Tel.: 8(473) 249-06-14